

С наступлением темноты в Фэнчэне не утихал оглушительный грохот петард.

Хэ И и Хэ Яньчжэнь, закончив традиционное подношение Богу богатства, уселись за праздничный ужин под звуки новогоднего телеконцерта. Старенький телевизор на удивление исправно работал. Время было еще раннее, поэтому по экрану крутили рекламу и предпраздничные анонсы.

— Ты потрясающе готовишь, — Хэ И с каждым кусочком поражался всё сильнее. — Не увидел бы своими глазами — ни за что не поверил бы, что всё это приготовил ты сам.

— А обычно я, по-твоему, невкусно готовлю? — шутливо возмутился Яньчжэнь. — Я тебя уже знатно откормил, а похвалы дождался только сейчас.

— ... Да я и раньше тебя хвалил, вообще-то, — неловко оправдался Хэ И и сам же тихонько рассмеялся.

Обычно всё его внимание поглощала учеба подопечного: даже за столом он утыкался в телефон, разбирая очередную задачу, так что вкуса еды почти не замечал. К тому же, боясь, что готовка отнимет у Яньчжэня драгоценное время, Хэ И просил его делать что-нибудь побыстрому. Вот они и перебивались то яичницей с помидорами, то с острым перцем. Каким бы искусным ни был повар, из таких простых продуктов кулинарного шедевра не выжмешь.

Но сегодня, когда на столе красовалось изобилие блюд, а сами они наконец-то расслабились, Хэ И по-настоящему оценил кулинарный талант юноши.

— Вот сдашь экзамены, — довольно поглаживая сытый живот, мечтательно произнес Хэ И, — я обязательно попрошусь к тебе на обед. Хочу разузнать, какими еще вкусностями ты умеешь удивлять.

— Зачем ждать лета? Если хочешь чего-то, скажи — я приготовлю завтра.

— Ну уж нет, с завтрашнего дня никакой готовки, — Хэ И помедлил, а затем серьезно посмотрел на собеседника. — Может, вернемся завтра?

— В Бэйчэн?

— Да. Всё равно мне здесь делать совершенно нечего.

На самом деле Хэ И не хотелось так быстро уезжать из родного дома, но условия здесь были слишком суровыми. Несмотря на постоянно включенный увлажнитель воздуха, у Яньчжэня то и дело шла носом кровь. К тому же старый кондиционер едва справлялся с обогревом. Сам Хэ И давно привык к лишениям, но заставлять Яньчжэня терпеть эти неудобства было ни к чему.

Да и то, что гость взял на себя обязанности повара, заставляло Хэ И чувствовать неловкость.

— Хорошо, — согласился Яньчжэнь. — Сейчас посмотрю билеты.

К моменту, когда они закончили ужин, праздничный концерт только начинался. Хэ И прибрал на журнальном столике, вымыл посуду и бережно убрал остатки еды в холодильник, твердо решив доесть их завтра.

— Бери билеты на вторую половину дня, — попросил Хэ И, указав на холодильник. — Сначала доедим всё, а потом двинемся в путь.

В ящике для овощей еще оставалось немного зелени. Её можно было забрать с собой в общежитие — бросить пару листиков в лапшу быстрого приготовления или сделать на ужин салат из помидоров.

Хэ И с радостью увёз бы и набор новенькой посуды, которую купил Яньчжэнь, но готовить он всё равно не умел, да и в студенческой комнате для этого не было условий. Пришлось отказаться от этой мысли.

Выйдя из кухни, он застал Яньчжэня за телефонным разговором. Плотно поужинав, юноша решил немного подвигаться и неторопливо вышел на балкон подышать свежим воздухом.

В памяти невольно всплыли прошлые новогодние праздники, когда он жил вместе с бабушкой. В канун праздника она тоже всегда лепила пельмени.

Только вот те пельмени комом вставали в горле. Весь вечер старуха без умолку пилила его мать: укоряла в неумении вести хозяйство, в нежелании угождать старшим, жаловалась, что та загубила карьеру её сына...

Хэ И отчаянно спорил с ней, но, кроме пустых ссор, ничего изменить не мог. Ему оставалось лишь по-детски запираться в своей комнате и отказываться от еды.

Тогда бабушка накрывала тарелку с пельменями миской, оставляя её на столе, а сама усаживалась перед телевизором, щелкая семечки под звуки новогоднего шоу.

Если Хэ И, измученный голодом, всё же выходил на кухню, щёки его горели от стыда. Казалось, каждый кусок он отрывает от собственной плоти. Новогодняя ночь превращалась в бездонную пропасть, и мальчик всем сердцем ненавидел этот бесконечный, мучительный праздник.

Но в этот раз всё изменилось. Рядом с ним был Хэ Яньчжэнь.

Их старенькая двухкомнатная квартирка преобразилась: на входной двери красовались новогодние парные надписи и иероглиф «счастье», на стеклах пестрели праздничные картинки, а под потолком балкона покачивалась гирлянда из крошечных красных фонариков.

Вглядываясь в темное окно, Хэ И смотрел на ночное небо. Звезды мерцали мягким, размытым светом. Изредка взмывавшие вверх фейерверки рассыпались мириадами ярких искр, а за пеленой порохового дыма угадывались теплые огни чужих окон. Во всем этом сквозило удивительное умиротворение.

Он заворуженно созерцал этот покой.

Из гостиной доносился приглушенный голос Яньчжэнь. Тот без устали набирал номер за номером: сначала поздравил родителей, затем дедушек и бабушек с обеих сторон... У них была большая семья, где взаимное внимание в праздники давно стало незыблемым правилом.

Несмотря на свой упрямый и порой взбалмошный характер, младший всегда с глубоким почтением относился к старшим родственникам и никогда не забывал о поздравлениях.

Когда на экране высветился вызов от Ми Лу, Яньчжэнь только закончил разговор с дядей и нажал на кнопку ответа чисто машинально.

— Одноклассник Хэ! — в голосе Ми Лу слышалось радостное нетерпение, смешанное с тревогой. — Почему тебя нет дома на каникулах? В игру не заходишь, в вичате не отвечаешь, я никак не мог до тебя дописаться! Пытаюсь дозвониться уже целый час, еле пробился...

— Я уехал, — коротко бросил Яньчжэнь. Отодвинув трубку от уха, он мельком глянул на экран: чаты разрывались от сотен непрочитанных сообщений, среди которых весточки от Ми Лу попросту затерялись.

— И когда вернешься? На третий день нового года мы устраиваем встречу, придешь? Ребята очень просили тебя позвать, — продолжал щебетать Ми Лу.

Многие старые школьные приятели Яньчжэнь перешли вместе с ним в присоединённую среднюю школу, а некоторые оказались в одном классе с Ми Лу. Пока тот целый год учился за границей, Яньчжэнь частенько собирался с этой компанией.

На таких встречах он неизменно оказывался в центре внимания. Привлекательный, обеспеченный, обаятельный — его обожали как парни, так и девушки.

Но в этот раз было не до веселья. Вспомнив о своем графике подготовки, Яньчжэнь понял, что расслабляться рано: одной случайной победы на пробном экзамене мало.

— Не приду, полно дел, — отрезал Яньчжэнь. — До экзаменов осталось всего четыре месяца,

нужно зубрить. Тебе бы тоже не мешало засесть за учебники, а не развлекаться круглыми сутками.

— Но ты же в этот раз блестяще справился! — опешил Ми Лу.

— Чистая случайность.

— Но не в праздники же учиться! — недоуменно воскликнул собеседник. — Если моя мать узнает, что ты занимаешься даже в Новый год, она меня со свету сживёт. Вечно ставит мне в пример... всяких. Хвастается, что кто-то там поступил в вуз из списка «двух первокурсных», а отец только и твердит, какие они невероятные. Смертная тоска! Да что эти зубрилы умеют, кроме как тесты щелкать? Обычные провинциальные отличники, у которых за душой ничего нет.

Тот самый «провинциальный отличник» в этот момент стоял на балконе. Одетый в простую нежно-голубую рубашку, он расслабленно прислонился к стене, глядя вдаль.

Холодный свет балконной лампы падал на его и без того бледную кожу, отчего казалось, будто юноша вот-вот растворится в сумерках. У Яньчжэня сладко сжалось сердце. Ему безумно захотелось окликнуть Хэ И, но он сдержал порыв.

А в трубке продолжал звенеть капризный голос Ми Лу.

Яньчжэнь отвел взгляд от балкона. Слушать этот высокомерный лепет больше не хотелось — раздражение росло с каждой секундой.

— Твоя мать разве не записала тебя на кучу курсов? — холодно перебил его Яньчжэнь. — Если вы точно так же заучиваете ответы ради оценок, с чего вдруг ты решил, что твоя семья чем-то благороднее тех, кто вырос в провинции?

— Что... ты имеешь в виду? — растерялся Ми Лу.

— Ничего.

Яньчжэнь направился к балкону и, не дожидаясь ответа ошеломленного приятеля, нажал на отбой.

Услышав шаги, Хэ И обернулся и мягко улыбнулся:

— Одноклассники звонили?

— Угу, — Яньчжэнь встал рядом, плечом к плечу. — На что ты так увлеченно смотришь? Замерз ведь уже, наверное.

— На фейерверки, — Хэ И кивнул в сторону темного горизонта.

Праздничные залпы заметно поредели, лишь изредка раскрашивая небо яркими вспышками.

Яньчжэнь ненадолго вернулся в комнату и погасил свет в гостиной и на балконе, оставив гореть лишь тусклое бра в прихожей. Полумрак мгновенно окутал их, сделав огни за окном еще ярче и отчетливее.

Они молча стояли в темноте, замороженные ночной панорамой.

— Гэгэ, — негромко позвал Яньчжэнь, нарушив тишину. — Ты ведь сейчас... о маме думал?

Он спросил это очень тихо, бережно, боясь задеть старые раны, но не в силах сдержать щемящее любопытство.

Хэ И помолчал немного, а затем едва слышно выдохнул:

— Да.

Прислонившись спиной к прохладной стене, он продолжал всматриваться в звездную высь.

— Знаешь, я вдруг понял, что почти ничего не помню.

Яньчжэнь повернул голову, вглядываясь в его профиль.

— Иногда мне кажется, что я просто недостаточно сильно любил её, раз в памяти почти ничего не осталось. Всё моё детство... помню только, как меня обижали и прогоняли.

— Сверстники в школе? — тихо спросил Яньчжэнь.

Хэ И покачал головой:

— Нет, ребята на улице были еще ничего — обычные детские компании. Обижали меня близкие.

— Твоя семья?..

— Сколько себя помню, отец ни разу не обнял меня. Дедушка с бабушкой тоже. Когда мама ходила ухаживать за ними, ей приходилось оставлять меня дома — они на дух меня не переносили, — губы Хэ И тронула горькая, самокритичная усмешка. — Маленьким я всерьез думал, что родился вне брака. Старался вести себя тише воды ниже травы, чтобы не стать для мамы обузой... А потом вырос и понял: дело было не в этом. Меня просто не любили.

Не понимая причин такой неприязни, ребенок изо всех сил пытался угодить взрослым, постоянно зажимая себя в жесткие рамки. Приходившие в дом гости часто восхищались его послушанием, но порой недоумевали: «Почему Сяо И ведет себя с вами как чужой? Шагу не может ступить, не спросив разрешения».

Конечно не мог. Мальчик боялся даже просто взять со стола яблоко. Если очень хотелось, он терпел до последнего, а когда сдерживаться не хватало сил, робко подходил к матери и шептал: «Мамочка, можно мне съесть яблоко?»

Яньчжэнь слушал его, не веря собственным ушам. В его голове не укладывалось, как можно так жестоко обращаться с собственным ребенком.

— Твой отец — законченная тварь, — в голосе младшего прорезалась глухая злость. — А мама? Она тоже оставалась в стороне?

— Нет, она меня очень любила. Но... — Хэ И осекся и на мгновение умолк. — Ей тоже приходилось несладко.

В темноте повисла тяжелая, затяжная пауза, нарушаемая лишь тихим вздохом.

— Нашел же я время для таких разговоров в новогоднюю ночь... — Яньчжэнь повернулся к нему и крепко, надежно прижал к себе. — Не нужно было спрашивать.

Хэ И уткнулся лбом в его плечо и глухо рассмеялся:

— Раз знал, что не к месту, зачем тогда полез с расспросами?

— Испугался немного, — Яньчжэнь сильнее сомкнул объятия, успокаивающе поглаживая старшего по спине. — Пока я говорил по телефону, ты стоял здесь один... Мне показалось, стоит отвернуться на миг, и ты растаешь в темноте.

— Ты меня совсем не знаешь, — прошептал Хэ И.

— Да, не знаю, — покорно согласился Яньчжэнь. Прижавшись теплой щекой к его замерзшему уху, он глубоко вдохнул родной запах.

Старые балконные рамы пропускали холодный воздух, и Хэ И успел изрядно продрогнуть, но горячее прикосновение приятно согрело его.

Он тихонько улыбнулся и приподнял голову. В то же мгновение Яньчжэнь поймал его движение и мягко коснулся его губ своими.

Этот поцелуй дышал невероятной нежностью и благоговением. Приоткрыв глаза, Хэ И обнаружил, что Яньчжэнь тоже не зажмурился, а пристально, затаив дыхание, смотрит на него в упор.

— Перестань, у меня сейчас глаза в кучу сойдут, — выдохнул Хэ И в губы юноши.

— Пойдем в мою комнату? — тихо, умоляюще спросил Яньчжэнь, не прерывая ласки.

Поняв, что притворяться непонимающим больше не получится, Хэ И отстранился и, шутливо закрыв ладонью лицо младшего, покачал головой:

— Нельзя.

— Ты уверен? — лукаво прищурился Яньчжэнь. — Думаешь, на балконе удобнее?

Хэ И опешил.

— Даю тебе еще один шанс определиться: моя постель или балконный пол?

— Я вообще-то не место выбираю! — вспыхнув до кончиков ушей, Хэ И возмущенно уставился на наглеца. — Что ты вообще задумал?

— Думаю, Адам с Евой перед тем, как сорвать запретный плод, задавались тем же вопросом, — Яньчжэнь легко подхватил его на руки и нежно поцеловал раскрытую ладонь. — Я захотел этого еще в примерочной, когда ты мерил вещи. Только не говори, что ничего не замечал.

Хэ И действительно не догадывался о мыслях, бродивших в голове парня в магазине одежды, но отрицать, что он понимает намерения Яньчжэня сейчас, было бы верхом лицемерия.

— Отпусти! — заволновался Хэ И, пытаясь высвободиться из крепкого захвата. — Не сегодня. Я не согласен!

— Похоже, ты тоже меня плохо знаешь, — ухмыльнулся Яньчжэнь. Он занес его в комнату, пинком захлопнул за собой дверь и грозно прорычал: — Если ты не согласишься... мне придется очень долго тебя умолять!

Оказавшись на мягкой постели, Хэ И на секунду растерялся, но, осознав комичность угрозы, прыснул от смеха. Яньчжэнь, конечно же, не собирался прибегать к силе, но его напускная суровость выглядела до невозможности трогательно.

— Гэгэ... — Яньчжэнь тут же забрался на кровать и навалился сверху, утыкаясь носом в шею Хэ И и жалобно лащась, точно щенок. — Обещаю, ничего лишнего. Просто поцелуй. Ну пожалуйста...

<http://bllate.org/book/19702/1988493>